

Я НЕ СЛЫШАЛ, чтобы о ней спорили. Ее или принимают или небрежно отрицают: нет, дескать, ничего, кроме глаз, да и те всегда одинаковы.

Однако знают Габи Иоббу все, несмотря на то, что в кино она не снимается, пришла на подмостки лишь три года назад и играет исключительно в двух самых маленьких будапештских театрах — в «Двадцать пятом» и в «Микроскопе».

Правда, работает она в театрах, являющихся, так сказать, возмутителями спокойствия, средоточием смелого режиссерского экспериментирования, взрывающего каноны «дидактической» драмы.

ИЗВЕСТИЯ 4 стр.

7.3.74 г. № 57 (17595)

СЧАСТЛИВЫЙ ДАР ГАБИ ИСКУССТВО ДРУЗЕЙ

Венгры любят подчеркивать, что в отличие от, скажем, русского или французского, их театр актерский, а не режиссерский. Речь идет не о противопоставлении одного другому, а о том, что актер, как и столетия назад, остается центральной фигурой для венгерских театралов.

Помню, как во время одной из репетиций спектакля «А зори здесь тихие...» в «Микроскопе» Габи — Рита прикрикнула на подругу: «Только без истерики!». В реплике были и с трудом сдерживаемые рыдания, и ненависть к врагам, и какая-то отчаянная внутренняя решимость. Режиссер Иштван Иглоди остановил репетицию:

— Не так, Габи, спокойнее, ты ведь сейчас здесь, на сцене,

а не там, в лесу. Ты должна быть Ритой, пришедшей на сцену из того времени, а не Габи, попавшей в ту ситуацию прямо из сегодняшнего спокойного дня. Понимаешь?

Условность постановки, продиктованная во многом ограниченными возможностями «Микроскопа» (крошечная сцена, маленький зал), казалось, совершенно не влияла на Габи. Сеть, которая, опускаясь, становилась болотом, поднимаясь — густым лесом, отодвигаясь — казармой и т. д., ни на секунду не отвлекала ее от ощущения принадлежности к маленькому отряду в лесу. Она постоянно «забывалась», и тактичная режиссерская корректировка не мешала этому удивительно полному слиянию с об-



разом. И во время спектакля всякий раз происходило чудо, потому что зритель, с которым условились о том, что сеть будет лесом или болотом, и который эти условия принял, с нею ни о чем договариваться не желал, он просто каким-то непостижимым образом видел ее жизнь и ее страдания и страдал вместе с ней, с Габи Иоббу, вместе с нею чувствовал боль и гнев далекой русской женщины.

В «Двадцать пятом» в спектакле

«Блестящие ветры», поставленном кинорежиссером Миклошем Янчо по произведению Дюлы Хернади, Габи играет венгерскую комсомолку 1948 года. И в этом спектакле, построенном на целом каскаде изобретательных условностей, она умудряется, оставаясь сама собой, жить, а не имитировать, чувствовать, а не изображать чувство.

ТРУДНО говорить о лучшей роли Габи. Но самой неожиданной Габи оказалась в пьесе Ласло Дюрко о Дон Кихоте, поставленной Кати Берек в «Двадцать пятом» театре. У нее там роль маски-повествовательницы, которая, будучи невидимой действующим лицам (лишь иногда она является Дон Кихоту и его оруженосцу), комментирует действие.

Спектакль выдержан в стиле средневековых ярмарочных представлений, смело сталкивает гротеск с трагизмом, вскрывает суть мещанской морали, одинокой во все времена. Здесь Габи нужно быть и ярмарочным клоуном, и зазывалой, и строгим судьей, и рассказчиком,

и ведущим представление. Все это она проделывает легко и быстро, точно и красиво выполняет режиссерский замысел. И лишь временами, когда пантомима рисует картины издевательств мещанского сброда над великим рыцарем, Габи застывает в ужасе и гнѐве, и ее глаза-пржекторы высвечивают самую суть сервантесовского трагизма.

Глаза Габи — необыкновенно большие и живые, отражающие каждый оттенок мысли и чувства, — оказались в данном случае одной из самых важных режиссерских находок. Иногда, правда, они слишком заметны, притягивают все внимание зала. Как-то режиссер, сделав после второго прочтения пьесы замечание каждому актеру, сказал ей лишь одну фразу: «А вам — убрать глаза». Все рассмеялись, а Габи помрачнела. Не так-то легко приглушить собственную внутреннюю суть.

Мы сидим с Габи в фойе «Микроскопа», пьем кофе. Сегодня в спектакле занята ее дублерша и она свободна. Но все равно сердце ее беспокойно, и глаза горят,

потому что чувствует она слезы Джайдар из айтматовского «Прощай, Гульсары!». Горячие и сильные, они текут и по ее сердцу.

В жизни Габи человек тихий и застенчивый, и нет в ней как будто ничего специфически актерского. В школе поначалу никто не предполагал в ней будущей актрисы. Отец — врач из Сегеда надеялся, что дочь пойдет по его стопам. Первая премия на конкурсе, где Габи читала горьковского «Буревестника», была полной неожиданностью.

Я не задаю ей вопросов о работе над ролью. Спрашиваю только, почему она не снимается в кино. И Габи сбивчиво объясняет, что не может играть фрагментарно, что ей надо приготовить сразу весь спектакль от начала и до конца, что кино ей кажется расчленением чувства на эпизоды, а она этого боится. Такова Габи, которая всегда остается собой и о которой не спорят.

А. ТЕР-ГРИГОРЯН,

соб. корр. «Известий».
БУДАПЕШТ, март.